

Андрей Викторович КЕЛЛЕР¹

УДК 94(470+571)''17/1917''

МОСТ ИЗ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОСТЬ: ЦЕХИ ПЕТЕРБУРГА В ЭПОХУ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ — НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ¹

¹ доктор философии (PhD), старший научный сотрудник,
Лаборатория эдиционной археологии,
Уральский федеральный университет
им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
a.v.keller@urfu.ru

Аннотация

Предметом данной статьи является анализ развития института ремесла Санкт-Петербурга в общем и цехового ремесла в пореформенный период до начала XX в. в частности. Составляя основу городской экономики (даже после появления мануфактур и крупных заводов), ремесло в рассматриваемый период являлось основным поставщиком продуктов питания, одежды, обуви, предметов быта населения. Повышенный спрос на «европейские» товары способствовал заимствованию, развитию и поддержанию западных технических стандартов, давших толчок внедрению и развитию новых технологий. Цехи стали сословно-профессиональным институтом в «европейской столице», как нельзя лучше вписавшимся в организацию ремесленного образования, взяв на себя функцию его структурирования и подготовки профессиональных кадров. В статье показано, что цеховое ремесло смогло стать локомотивом развития столичного ремесла. Обосновывается тезис о том, что ремесло в эпоху индустриальной революции,

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (Лаборатория эдиционной археологии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

Цитирование: Келлер А. В. Мост из традиции в современность: цехи Петербурга в эпоху индустриализации — новые перспективы / А. В. Келлер // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Том 3. № 1. С. 178-190. DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-178-190

особенно во время интенсивного промышленного роста 1890-х гг., продолжало активно развиваться, делая свой вклад в диверсификацию профессионального образования и осваивая новые профессии, сохраняя тем самым технологическое многообразие.

Ключевые слова

Городское ремесло, ремесленники, Санкт-Петербург, цеховые мастера.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-178-190

В очередной свой приезд для работы в Центральном государственном историческом архиве г. Санкт-Петербурга, мы надеялись последовать примеру Мишеля Фуко и начать исследование с горы заброшенных документов в архивном подвале [12]. Но, к сожалению, и последняя не сохранилась. В начале 1920-х годов дела иностранного отдела Петроградской ремесленной управы, а именно иностранных цехов, были вынесены на свалку неподалеку от здания бывшей Ремесленной управы в здании по адресу Большая Московская улица № 1/3 (сегодня это угловое здание напротив станции метро «Владимирская») [4, с. 4]. При этом нельзя забывать героических усилий архивных работников Петрограда по сохранению архивных фондов в тяжелое время голода, разрухи и гражданской войны. По вышеназванной причине пришлось воспользоваться материалами ремесленной управы российских цехов, чтобы проанализировать как общее развитие цехов, так и роль в них иностранцев, ставших важным звеном в технологическом трансфере среди ремесленников.

Несомненно, состоятельные российские и иностранные цеховые мастера составляли элиту ремесленного сословия не только Петербурга, но и всей России. Исходя из положения, что «любое сообщество, какое бы место оно ни занимало в общей структуре социума, обладает своей элитной группой», можно сказать, что среди ремесленников Петербурга имела своя элита. В контексте иерархии последних здесь идет речь об элитах среднего уровня и об элитах низшего порядка [1, с. 14-15; 6, с. 98-99, 104; 7, с. 151-152, 158-159].

Рассмотрение цеховых ремесленников из этой перспективы необычно, ведь по мнению многих историков XIX и XX вв., цехи как анти-прогрессивный институт, говоря образно, должны были отпасть от здорового тела *grande nation*, подобно отрубленной голове Марии-Антуанетты. Как институту «архаичному», ему не находилось места в концепциях историков, пытавшихся нащупать ростки экономического будущего в прошлом [14]. Это и неудивительно, ведь первый декрет об упразднении цехов и отмене их привилегий появился во Франции 16 февраля 1791 г. Ему последовали некоторые провинции Пруссии в 1806 г., а также немецкие государства, завоеванные французами: Вестфалия в 1808 и 1810 гг., герцогство Берг в 1809 г., Пруссия в 1808-1811 гг. Последовавшее затем время политической реакции замедлило этот процесс, возобновившийся в конце 1850-х гг. в ходе всеобщей промышленной либерализации в Австрии в 1859 г., в Нассау в 1860 г., в Саксонии в 1861 г., в Вюртемберге и Бадене в 1862 г. [2, с. 130].

А ведь именно цехи были институтом, доказывавшим способность граждан города, и в их числе цеховых мастеров, к модернизации и активному участию в жизни городов и их самоуправлении [14, с. 9-10]. Говоря словами Жоржа Баландые, политическая антропология рекомендует рассматривать традиционные структуры и институты не как препятствия на пути в Новое время, которые должны были уйти вместе с Ancien Régimes. Понять их роль во влиянии на формы социальной жизни сегодня — значит уравновесить соотношение традиции и инновации [14, с. 9]. Традиция, говорит Баландые, может быть использована в целях реставрации или получит новую функцию в изменившемся контексте, может вести к реакциям сопротивления или к оправданию современности [14, с. 10]. Примером этого в Германии оказался рад мер конца XIX — начала XX в. В 1897 г. появляется закон, обязывающий всех ремесленников вступать в Ремесленную палату (Handwerkskammer) — косвенную наследницу ремесленных цехов, регулирующую отношения внутри ремесла, а с 1908 г. обучение учеников в ремесленных мастерских и получение ими «малого» мастерского диплома (Meisterbrief, “Kleiner Befähigungsnachweis”) становится опять обязательным. В конечном итоге, новый Ремесленный устав 1935 г. восстанавливает традиционный полный мастерский диплом (“großer Befähigungsnachweis”). Данные шаги были следствием осознания того, что введение «промышленной свободы» во второй половине XIX в., помимо безусловного положительного эффекта для немногих, заработавших большие состояния, привело к обнищанию огромных масс населения и социальной напряженности. Эта свобода была прежде всего по малым формам производства, дававшим высокую занятость, а значит и обеспеченность населения, что характерно и сегодня. При этом данная обязанность не противоречила свободе предпринимательства, но уравнивала интересы всех сторон: выполнение социальных обязательств и решение вопросов профессионального образования могло быть осуществлено только вместе с государством и обществом [13, с. 385, 394].

К одному из таких традиционных институтов, перекинувших в Германии, Австрии или Швейцарии «мостик» из традиции в современность, относились столичные цехи, развивавшиеся в аналогичном направлении, как показало развитие первых двух неполных декад XX в.¹ Характерно, что возвращение в

¹ Во второй половине XX в. в Германии появился Экономический департамент (das Gewerbeamt), руководствующийся расчетами числа жителей: потенциальных потребителей на определенную территорию, должных приходиться, к примеру, на одну булочную, иначе мастер не получал разрешения на ее открытие. Эти меры, аналогичные цеховому контролю, обеспечивали баланс спроса и предложения, во избежание убытков существующим предприятиям [13]. Сегодня это разумное ограничение не вызывает возражений. Другими важными институтами в Германии, являющимися прямыми или косвенными наследницами ремесленных цехов, являются Ремесленная палата (die Handwerkskammer), регулирующая отношения внутри ремесла — получение диплома подмастерья и мастера, информационная, юридическая и организационная поддержка, Земельные съезды ремесленников (напр., der Handwerkstag Sachsen), и Центральный союз немецкого ремесла (Zentralverband des deutschen Handwerks) для представительства общих интересов ремесленников на земельном и федеральном уровнях.

Германии Большинство российских мастеров долгое время признавали абсолютное преимущество их иностранных коллег и старались подражать им почти во всем. Этому предпочтению способствовал прежде всего спрос «общества» или «публики», ориентированной на европейский эталон качества, ее эстетику и культуру. К концу XIX в. большинство российских ремесленников Петербурга преодолевает эту зависимость от иностранных ремесленников, благодаря особому космополитичному архетипу петербургского жителя, вобравшему в себя множество черт русского и иностранного происхождения. Понятна и приверженность многих российских мастеров к цеховой форме организации ремесла, помогавшей им артикулировать свои интересы перед высоким начальством — от генерал-губернатора до министра внутренних дел.

История цехов Петербурга, как и история крупной промышленности, полна взлетов и падений, закономерностей и противоречий: между цехами булочников и кондитеров, между вечно- и временно-цеховыми, между цеховыми и нецеховыми ремесленниками. Это сосуществование сопровождалось то вспыхивавшей, то затухавшей конкуренцией. Но конфликтная проблематика может быть рассмотрена не только как деструктивная, в которой петербургские цехи должны были играть исключительно рестриктивную роль в сдерживании промышленного развития, чего не происходило по причине отсутствия ограничения ремесленной мастерской в количестве работников и производимого товара, но и как институт, регулирующий отношения экономических субъектов. Ведь специфика архивных документов заключается именно в их направленности на документацию конфликтов, в которых отражались экономические реалии того времени.

На вопрос о том, существовало ли ремесло Петербурга в условиях жесткой конкуренции или сотрудничества, нельзя дать однозначного ответа. Это зависело от времени, места и социального положения ремесленников — как внутри своей социальной группы, так и по отношению к государству и крупной промышленности. И все же можно выделить наиболее яркую отличительную черту Петербурга, бывшего ввиду своей специфики в какой-то степени отражением сегодняшней Европы, — его культурное многообразие, являющееся одной из главных европейских ценностей [5]. По поводу ценности ремесленного труда в свете современной промышленной цивилизации Ричард Сеннет говорит, что тот может вернуть отчужденному в процессе крупного промышленного производства человеку радость и удовлетворение от труда и от его произведений, возникших в результате его умений и навыков, его креативности [16, с. 390].

Господствовавшая во взглядах многих российских государственных деятелей парадигма индустриального развития второй половины XIX в. была не в пользу ремесла. Оппоненты правительства, выступавшие за развитие последнего, видели в сложившейся правительственной политике («искусственного» насаждения крупных предприятий) корень проблем и считали более целесообразной организацию «местных и наиболее распространенных промыслов, изделия которых и прежде имели довольно обширный сбыт»; «вместо того, чтобы стро-

ить за счет казны фабрики и отдавать их потом купцам и помещикам, обратиться к живым народным силам и им дать возможность к дальнейшему развитию» [8, с. 128-129, цит. 3].

Как видно из приведенной ниже таблицы, наблюдалась положительная динамика развития цехов. Резкий спад количества временно-цеховых ремесленников в кризисный 1892-1893 г. сменился с середины 1890-х гг. дальнейшим ростом. Их число в данном случае «зашиито» в общие цифры.

Таблица 1

**Ремесленники российских цехов
Санкт-Петербурга, 1866-1919 гг.**

Tabl. 1

**The artisans of Russian guilds
in St. Petersburg. 1866-1919**

Год	Российские цехи		Российские цехи всего
	Вечно-цеховые	Временно-цеховые	
1866	3576	25 566	29 142
1873	4000	32 141	36 141
1876	4215	42 623	46 838
1881	4509	43 658	48 167
1882	4532	42 862	47 394
1884	5187	41 749	46 936
1886	5455	44 560	50 015
1890	6011	35 885	41 896
1891	6062	37 236	43 298
1892	5560	34 419	39 979
1894	6062	29 381	47 443
1895			53 554
1899			64 228
1900			52 075
1910			56 286
1919			60 090

Источник: [15, с. 483-484].

Примечание: Дано общее число мастеров, подмастерьев и учеников. Здесь отсутствуют ремесленники иностранных цехов, количество которых колебалось в границах 1200-1300 чел.

Source: [11, pp. 483-484].

Note: The total number of masters, assistants and apprentices. There are no foreign guilds craftsmen, the number of which fluctuated within the 1,200-1,300 people

Резкий индустриальный рывок 1890-х гг. сопровождался резким же ростом числа цеховых ремесленников, а в первые два десятилетия XX в. цеховое ремесло выходит на свой стабильный рост без резких скачков.

Как же отразились механическая революция XIX в. и революция производительности труда в 1890-е гг. непосредственно на ремесле [9, с. 169]? В России время усиленного промышленного роста (take off) относится примерно к 1840-1885 гг. Затем следуют промышленная революция с типичными резкими спадами и стремительным ростом, особенно в 1890-е и с 1909 г. по 1914 г. включительно. Многие ремесленные мастерские усиленно механизуются и моторизируются, что приводит к значительному повышению производительности труда. После короткого спада в начале 1890-х гг. и сокращения цеховых до 40 000 в 1892 г., начинается взрывной рост их числа — в основном за счет временно-цеховых до более чем 64 000 чел. в 1899 г. После очередной рецессии 1899-1900 гг. цеховое ремесло продолжает свой стабильный рост, совпадавший с долгосрочным линейным трендом всего предыдущего XIX в., несмотря на последовавшие Великую русскую революцию 1905-1917 гг. и Первую Мировую войну, что говорит об устойчивости ремесла как базисной формы производства.

Этот пример показывает, что огромный приток рабочих рук из деревни абсорбировали не только крупные предприятия, но и ремесленные мастерские, являвшиеся соединяющим звеном между городской и сельской промышленностью. Более того, на ранних этапах индустриализации крупные промышленные предприятия представляли из себя ничто иное как ряд больших высоко механизированных и моторизованных ремесленных мастерских, расположенных в заводских цехах: столярном, слесарном, кузнечном и т. д. Как показывает развитие ремесла в Германии XIX в., цехи и промышленное развитие не всегда были явлениями, взаимоисключающими друг друга [13, с. 382].

Рисунок 1, приведенный ниже, показывает длинный положительный тренд в развитии цехового ремесла. Показательно, что цеховые ремесленники Санкт-Петербурга составляли одну треть от всех цеховых России. Что же касается динамики развития внутри цехов, то здесь мы видим значительное увеличение вечноцеховых с 3576 в 1866 г. до 6062 в 1894 г., в то время как число временно-цеховых после значительного роста с 25 556 в 1866 г. до 44 560 ремесленников в 1886 г. падает до критических 29 381 чел. в 1894 г. (рис. 2).

Процентное соотношение мастеров, подмастерьев и учеников в российских цехах остается примерно одинаковым. 1895 г.: 17:57:26; 1899 г.: 16:56:28; 1900 г.: 20:53:27; 1910 г.: 17:55:27. Соответственно, на одного мастера в 1895-1910 гг. приходилось в среднем 4,7 работников. Если сравнить с прежними показателями, то окажется, что средний размер ремесленной мастерской постоянно увеличивается. С 1866 по 1873 гг. число занятых в мастерской цехового мастера выросло у вечно-цеховых с 2,3 до 2,8, у временно-цеховых он, как правило, выше, но за этот период немного опустился с 3,8 до 3,6. Согласно материалам переписей 1890 и 1900 гг., средний размер ремесленной мастерской в Петербурге и губернии увеличился с 8,5 до 15 занятых на одного мастера.

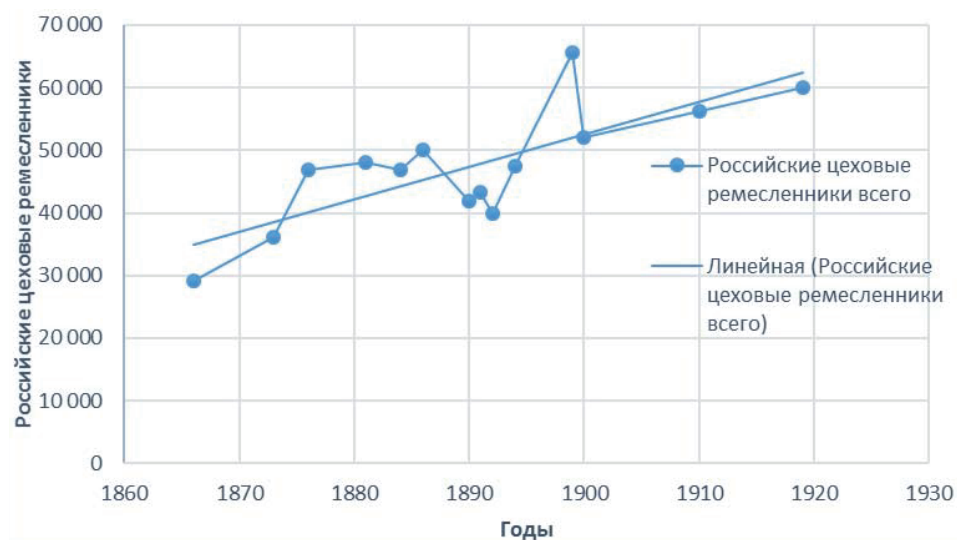

Рис. 1. Ремесленники российских цехов Санкт-Петербурга, 1866-1919 гг.
Источник: [15, с. 403]

Fig. 2. The artisans of Russian guilds in St. Petersburg. 1866-1919
Source: [11, pp. 403]

Рис. 2. Вечно- и временно-цеховые российские цехов Санкт-Петербурга, 1866-1919 гг.
Источник: [15, с. 403]

Fig. 3. Permanent and temporary workshops of Russian guilds in St. Petersburg. 1866-1919
Source: [11, pp. 403]

Причем если в отрасли производства одежды и обуви он незначительно вырос в указанный отрезок времени с 5,3 до 5,6, то в металлообработке, напротив, с 11,2 до 28,2. При этом заметна тенденция сокращения числа учеников в последующий период между 1900 и 1910 гг. до 15 работников, тогда как в более крупных мастерских их число имело тенденцию к увеличению. Процесс индустриализации, протекавший в Петербурге более интенсивно, чем в других регионах России, имел косвенным эффектом и более крупные мастерские [15, с. 500-501, 522, 525]. Ремесленные мастера активно включались в процессы индустриализации уже на ранних стадиях ее развития. В 1850, 1852 и 1853 гг. среди 176, 131 и 82-х основателей новых промышленных предприятий Петербурга цеховых и нецеховых мастеров числилось, соответственно, 69, 66 и 62, причем цеховые были среди них в большинстве, или 39,2%, 50,4% и 75,6% от общего числа. Между 1881 и 1897 гг. доля ремесленников среди предпринимателей уменьшается, но и тогда составляет солидную 1/3 от общего числа [15, с. 435-436].

Во второй половине XIX в. в ряде отраслей ремесленной промышленности также имеет место повышенное разделение труда, но не в таких размерах, как в крупной промышленности. Схожие процессы наблюдались в британской промышленности, где «рабочая сила увеличилась за счет миллионов неквалифицированных, бедных и временных рабочих» [9, с. 261]. В 1898 и 1913 гг. Ф. У. Тейлор и Г. Форд ввели две крупные инновации, навсегда разделившие ремесленный (МСП — малые и средние предприятия) и крупный индустриальный способы производства. В то время как Тейлор придумал решение проблемы автономии квалифицированных рабочих, разбив рабочие операции на шаги, Форд ввел на своих заводах конвейер, что сделало возможным применение труда менее квалифицированных рабочих [9, с. 264-265]. Возможно, именно поэтому состоялся такой массовый отток временно-цеховых ремесленников в 1890-е гг., которые смогли трудоустроиться на крупных производствах. Гибкое реагирование цеховых ремесленников на кризисы облегчалось пунктом ремесленного устава, согласно которому цеховым мастерам разрешалось «для работы своего мастерства служить за плату на фабрике и заводах» [11, с. 5].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о парадоксальном развитии ремесла и подтверждении выдвинутого тезиса о том, что ремесло в эпоху индустриальной революции продолжало бурно развиваться. Значительно вырос социальный статус цеховых ремесленников: должность ремесленного головы приравнивалась к VI классу табеля о рангах, а старшин, цехов и членов Ремесленной управы — к VII классу [10, с. 82]. Последние, безусловно, прослужив в Ремесленной управе 12 лет и более, получали звание почетного гражданина. Кроме того, ремесленному голове в знак отличия разрешалось носить трость с гербом города, а в цехи не принимались «люди, за коими явные пороки» [11, с. 7, 13]. И хотя в связи с экономической либерализацией в ходе Великих реформ обязательная запись в цехи была отменена, ею продолжали охотно

пользоваться ремесленники, временно записывающиеся в цехи: мещане, разночинцы, крестьяне и иностранцы [11, с. 16].

Число цеховых Петербурга-Петрограда увеличилось с 39 979 в 1892 г. до 60 090 в 1919 г. [15, с. 483-484]. Можно предположить, что во время всеобщего общественного подъема после Февральской революции и особенно после принятия первым советским правительством 25 ноября 1917 г. «Декрета об уничтожении сословий и гражданских чинов» большинство петроградских ремесленников восприняло это как устранение несправедливой разницы между временно- и вечно-цеховыми. Чем тогда объяснить значительный приток ремесленников в цехи? Возможно, не является случайным, что К. А. Пажитнов указал эти 60 000 цеховых, когда цехи были уже давно отменены, но, видимо, продолжали существовать еще какое-то время неофициально по инерции, с верой мастеров в то, что демократическая революция признает цехи как переходный профессиональный институт к ремесленной палате. Не случайно, что уничтожение фонда иностранной ремесленной управы Петрограда в начале 1920-х гг. совпало с моментом, когда иллюзий по поводу социальной сущности советской власти уже ни у кого не осталось.

Данный исторический пример помогает понять ценность ремесленной промышленности (МСП) сегодня. Осознание ее важности в развитии малых форм производства и творческого труда в сочетании с идеей социальной справедливости, экологичного развития и современных технологий может открыть новые пути устойчивого развития в XXI в. Возвращение «ремесленной мастерской» в новом качестве — как фабрики будущего, стало возможным благодаря миниатюризации машин. Поэтому залог успеха видится именно в комбинации разумного консерватизма (при сохранении определенных традиций) и модернизации; в сочетании традиционного и инновационного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Е. В. «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода / Е. В. Алексеева, Д. А. Редин, Мари-Пьер Рей // Вопросы истории. 2016, № 6. С. 3-20.
2. Дживелегов А. Цехи в Европе / А. Дживелегов // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXXVIII (75). С. 130.
3. Дорина Е. М. Кустарная промышленность Московской губернии в конце XIX — начале XX веков. Проблема капитализации и модернизации: автореф. дисс. канд. искус. наук / Е. М. Дорина. Рязань, 2010. URL: <http://www.dissercat.com/content/kustarnaya-promyshlennost-moskovskoi-gubernii-v-kontse-xix-nachale-xx-vekov-problema-kapital>
4. Жукова Н. Г. К истории Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга 1918-1936 (на правах рукописи, инв. № 2485) / Н. Г. Жукова. Санкт-Петербург, 2002. С. 4.

5. Интервью с Кристиной Конде де Берольдинген // DE Magazin Deutschland, Ru 2/2013. С. 25.
6. Келлер А. В. Петербургский портной — законодатель мод первой половины XIX века / А. В. Келлер // Россия XXI. № 1. 2015а. С. 92-111.
7. Келлер А. В. «...Он был большой охотник до роскоши и великолепия»: петербургский портной в XVIII веке / А. В. Келлер // Россия XXI. 2015б. № 4. С. 140-163.
8. Корсак А. К. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России / А. К. Корсак. М.: Тип. Грачева и К°, 1861. 310 с.
9. Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему / П. Мейсон. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 373 с.
10. Свод законов Российской империи. Т. 9, ч. 1: Отдѣленіе третье. СПб, 1906 г.
11. Устав ремесленный // Собрание законов Российской империи. Т. 11, ч. 2. СПб, 1857 г.
12. Фуко М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр., общ. ред. Бр. Левченко. К.: Ника-Центр, 1996. 208 с.
13. Faulwetter S. Von der Zunft zur Handelskammer. Zur Entwicklung des Gewerberechts in thüringischen Staaten / S. Faulwetter. Frankfurt. M.: Peter Lang, 2011.
14. Haupt H.-G. Neue Wege zur Geschichte der Zünfte in Europa / H.-G. Haupt // Das Ende der Zünfte: ein europäischer Vergleich. Göttingen, 2002. S. 9-38.
15. Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg. Von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges / A. Keller. Frankfurt am Main u. a., 2002. 601 p.
16. Sennett R. The Craftsman / R. Sennett. Yale University Press. New Haven & London. 326 p.

Andrei V. KELLER¹

**BRIDGING TRADITIONS
AND MODERNITY. GUILDS IN ST. PETERSBURG
IN THE ERA OF INDUSTRIALISATION:
NEW PERSPECTIVES¹**

¹ PhD, Senior Research Fellow,
Laboratory for the Study of Primary Sources,
Institute for the Arts and Humanities,
Ural Federal University (Yekaterinburg)
a.v.keller@urfu.ru

Abstract

The present article analyses the development of trade institutions in St. Petersburg (guilds in particular) from the pre-reform period to the beginning of the 20th century. Functioning as the basis of the urban economy even after the appearance of large factories, craft industry was the fundamental supplier of food-related goods, clothes, shoes, and other household items. The increased demand for “European” goods facilitated the adaptation, development, and support of European technical standards, which gave an impetus to the implementation of new technologies. In the “European” capital, the guilds bore both an estate and a professional character: they were the best possible basis for launching craft education, since they provided both structure and training to professionals.

The author of the article shows that craft guilds can be considered as the drivers of development in the capital's craft industries. The author demonstrates that crafts in the

¹ The article was written in terms of the RF Government grant aimed to involve leading researchers into Russian higher education and research institutions of the state academies of sciences and state research centers in the Russian Federation (Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University). Contract no 14.A12.31.0004 of June 26, 2013.

Citation: Keller A. V. 2017. “Bridging Traditions and Modernity. Guilds in St. Petersburg in the Era of Industrialisation: New Perspectives”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 3, no 1, pp. 178-190.
DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-178-190

period of the Industrial Revolution (and particularly during the intensive growth of the 1890s) continued to develop actively, contributing towards the diversification of professional education and mastering new professions, thus maintaining a great deal of technological variety.

Keywords

Craftsmen, St. Petersburg, urban craft, guilds.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-178-190

REFERENCES

1. Alekseeva E. V., Redin D., Rey M.-P. 2016. “‘Evropeizatsiya’, ‘vesternizatsiya’ i mehanizmy adaptatsii zapadnykh novovvedeniy v Rossii imperskogo perioda [“Europeanisation”, “Westernisation” and the Mechanisms of Adapting Western Innovations in the Russian Imperial Period]. *Voprosy istorii*, no 6, pp. 3-20.
2. DE Magazin Deutschland. 2013. “Interv'yu s Kristinoj Konde de Berol'dingen” [The Interview with Christina Conde de Beroldingen]. *DE Magazin Deutschland*, Ru, no 2, p. 25.
3. Dorina E. M. 2010. “Kustarnaya promyshlennost' Moskovskoy gubernii v kontse XIX — nachale XX vekov. Problema kapitalizatsii i modernizatsii” [Manufacturing in Moscow Province in the Late XIX — Early XX Centuries. The Problem of Capitalization and Modernisation]. *Cand. (Art Crit.) diss. synopsis*. Ryazan. <http://www.dissercat.com/content/kustarnaya-promyshlennost-moskovskoi-gubernii-v-kontse-xix-nachale-xx-vekov-problema-kapital>
4. Dzhivelegov A. 1903. “Tsehi v Evrope” [The Shops in Europe]. In: *Enciklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona*, vol. XXXVIII (75), p. 130.
5. Faulwetter S. 2011. *Von der Zunft zur Handelskammer. Zur Entwicklung des Gewerberechts in thüringischen Staaten*. Frankfurt-Moscow: Peter Lang.
6. Foucault M. 1996. *Arheologiya znaniya* [The Archaeology of Knowledge]. Translated from French; edited by Br. Levchenko. Kiev: Nika-Tsentr.
7. Haupt H.-G. 2002. “Neue Wege zur Geschichte der Zünfte in Europa”. In: Haupt H.-G. (ed.). *Das Ende der Zünfte: ein europäischer Vergleich*, ss. 9-38. Göttingen.
8. Keller A. V. 2015a. Peterburgskiy portnoy — zakonodatel' mod pervoy poloviny XIX veka” [A Petersburg Tailor as a Trendsetter in the First Half of XIX Century]. *Russia XXI*, no 1, pp. 92-111.
9. Keller A.V. 2015b. “...On byl bol'shoy ohotnik do roskoshi i velikolepiya’: peterburgskiy portnoy v XVIII veke” [“He Was a Great Lover of Luxury and Splendor”: St. Petersburg Tailor in the XVIII Century]. *Russia XXI*, no 4, pp. 140-163.
10. Keller A. 2002. *Die Handwerker in St. Petersburg. Von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges*. Frankfurt am Main.
11. Korsak A. K. 1861. *O formah promyshlennosti voobshhe i o znachenii domashnego proizvodstva (kustarnoj i domashnej promyshlennosti) v Zapadnoj Evrope i Rossii* [The Forms of Industry in General and the Importance of Home Production (Artisanal and Domestic Industry) in Western Europe and Russia]. Moscow: Grachev and Co.

12. Mason P. 2016. Postkapitalizm. Putevoditel' po nashemu budushhemu [Postcapitalism. A Guide to Our Future]. Moscow: Ad Marginem Press.
13. Sennett R. 2008. The Craftsman. Yale University Press. New Haven & London.
14. Sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. 1857. "Ustav remeslenniy" [Craftsmen's Charter]. Sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, vol. 11, part 2. St. Petersburg.
15. Svod zakonov Rossiyskoy imperii [The Code of Laws of the Russian Empire]. 1906. Vol. 9, part 1: Otdelenie tretye. St. Petersburg.
16. Zhukova N. G. 2002. "K istorii Central'nogo gosudarstvennogo istoricheskogo arhiva Sankt-Peterburga 1918-1936" [To the History of the Central State Historical Archive of St. Petersburg 1918-1936] (Manuscript, inv. no 2485), p. 4. St. Petersburg.